

УДК 821.111(73)
ББК 84(0)6

Р.В. Зиновьева

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В ПЬЕСЕ ЭДВАРДА ОЛБИ «ШАТКОЕ РАВНОВЕСИЕ»

На материале новозаветных и ветхозаветных текстов проводится концептуальный анализ и их интерпретация в драме Эдварда Олби. Акцентируется внимание на интертекстуальности постмодернистского текста: на его центонном характере (обращение к аллюзиям, пародии, парафразу), на формах присутствия библейского текста в тексте пьесы. Делается вывод об искаженном представлении идеи братской любви на примере интерпретации притчи о Добром Самаритянине и идеала праведной жизни на примере сказания о Товии в анализируемой пьесе. Подчеркивается значение творчества Эдварда Олби как продолжателя сложившейся в американской литературе традиции дидактизма и пророческого мессианизма.

Ключевые слова: *Эдвард Олби, «Шаткое равновесие», библейский текст, постмодернистский текст, притча о Добром Самаритянине, книга Товита.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-130-138

Зиновьева Регина Владимировна – аспирант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта
Тел.: +7-952-051-12-39
E-mail: regina46@list.ru

© Зиновьева Р.В., 2020.

Библейский текст, или, шире, тема религиозности художественной литературы стали предметом пристального изучения за последние несколько десятилетий. Связь между христианской образностью и литературным творчеством прослеживается с давних времён и имеет непосредственное отношение к культуре христианского Запада и Востока. Л. Н. Татаринова, опираясь на философскую концепцию современного сербского православного богослова В. Ероича, утверждает, что «литература всегда религиозна, так как она отражает самые глубинные, архаические слои духа» [Татаринова, 2010]. Обращение многих современных авторов к евангельской проблематике, особенно в эпоху постмодернизма, отнюдь неслучайно. «Это не просто дань моде, – как отмечает А. Мень. – Столетие, насыщенное трагическими кризисами, ознаменовавшееся разгулом ненависти, крушением утопий, идёт к своему завершению в атмосфере угрозы, нависшей над цивилизацией. Всё это доказывает жизненную необходимость укрепления нравственных устоев в обществе» [Мень, 1992, с. 90–91]. Об этом также пишет Роберт Барт, который объясняет приобщение современных писателей к религиозной тематике поиском спасения от экзистенциального кризиса, охватившего общество в XX веке [Barth, 1972, р. 2–6]. В этой связи примечательно творчество американского абсурдиста Эдварда Олби (1928–2016), во многих пьесах которого («Случай в зоопарке» (англ. «Zoo story», 1958), «Кто боится Вирджинии Вульф» («Who is

afraid of Virginia Wolf», 1961–1962), «Шаткое равновесие («A Delicate Balance», 1966) присутствие библейских либо христианских мотивов играет концептуальную роль.

В своё время пьеса получила немало противоречивых отзывов со стороны критиков, упрекавших драматурга в отсутствии оригинального сюжета и недостатке глубины раскрытия исследуемой проблемы. «Шаткое равновесие» – «плохая пьеса... не имеющая отношения к человеку, ни к его жизни» [Brustein, 1975, p. 135], – излишне, на наш взгляд, категорично пишет Р. Бруштейн. Отечественные литературоведы, Г.П. Злобин и В.М. Паверман, придерживались подобного мнения, указывая на то, что автором не раскрываются истинные причины трагизма отношений между героями пьесы. «Олби уходит от мотивировки страданий своих героев» [Злобин, 1975, с. 198], – утверждает Г. П. Злобин. В американском литературоведении есть и противоположная точка зрения на эту пьесу. «Шаткое равновесие» – «самая страшная пьеса, свидетельствующая о факте экзистенциального тупика» [Roudane, 1987, p. 99], – утверждает М. Рудане. «Олби не изображает катастрофических изменений в действии пьесы, скорее, он запечатлевает едва уловимые изменения во взаимоотношениях героев: от их искренней заинтересованности в жизни другого до привычного осуществления долга, от морального обязательства до самоустранения, от любви до равнодушия» [Там же].

Научная новизна нашего исследования заключается в том, что до настоящего времени использование библейских мотивов в несправедливо забытой пьесе «Шаткое равновесие», часто сравниваемой с нашумевшей драмой Олби «Кто боится Вирджинии Вульф», не подвергалось специальному исследованию. В отечественном литературоведении в рамках методологически устаревшей марксистско-ленинской парадигмы при оценке творчества Э. Олби в основном на первый план выдвигался анализ социальных мотивов. У литературоведов сложилось даже мнение, что творчество Э. Олби, относящееся к литературе постмодернизма, не только не совместимо с идеями христианства, но даже противоречит им. Однако на сегодняшний день изучение христианских аллюзий приведёт к более широкому пониманию литературного наследия драматурга, интерпретация которого часто сводится к этикетке «драмы абсурда». По воспоминанию Э. Олби, его первый религиозный опыт относится еще к периоду детства. История Распятия Христа, услышанная в протестантской епископальной церкви, которой он принадлежал, до глубины души потрясла его и в итоге «привела к изобилию символики Христа» [Gussow, 1999, p. 35–36] в его пьесах. «С тех пор, с одной стороны, Олби потерял веру, а с другой – стал одержим Христом как человеком и мучеником» [Там же]. «Шаткое равновесие», по словам самого драматурга, – это пьеса «о природе ответственности, семейного и дружеского долга, противопоставленного эгоизму, самоустранению и христианскому пониманию долга» [Злобин, 1985, с. 198], – пишет Э. Олби. Как отмечает Дж. Кулсон, размышляя на тему истории религиозной мысли США и её влияния на литературу, в Америке XIX в. в обществе, воспи-

танном на идеалах плюрализма и либерализма, национальная религиозная культура не сложилась по сравнению с Европой, отличающейся многовековым христианским наследием [Coulson, 1984, p. 15]. По мнению того же исследователя, всем американским писателям чужда религиозная тематика [Там же], поэтому постмодернизм так легко прижился на американской земле.

О структуре современного постмодернистского текста, точнее, о проблеме его фрагментарности, пишет Е. Г. Водолазкин, обнаруживая непосредственную связь христианской средневековой письменности с современной литературой. Исследователь подчёркивает, что «центонный характер постмодернистских текстов «не подразумевает дословного воспроизведения предшествующих произведений. Эти произведения представлены обычно аллюзиями, цитатами, пересказом и т. д.» [Водолазкин, 2013, с. 37–38]. Современный писатель, который обращается к библейским сюжетам в своём творчестве, подвергает метарассказ различным формам деконструкции и тем самым создаёт конфликт между традиционной интерпретацией исходного текста и собственной авторской версией, которую А. В. Татаринов называет «стилизованным апокрифом» [Татаринов, 2004, с. 5–6]. По мнению исследователя, стилизованные апокрифы представляют собой своего рода игру священными текстами, ставя под сомнение каноническое повествование, однако в результате выступают в совершенно новом качестве, «приближая читателя к ценностям апофатического метода» [Там же, 53]. В пьесе «Шаткое равновесие» Олби разрабатывает несколько библейских сюжетов, заполняя художественный текст явными и неявными аллюзиями и цитатами из Библии. Одним из таких сюжетов является реализация христианской идеи – братской любви на примере интерпретации новозаветной притчи о Добром Самаритянине.

В драме «Шаткое равновесие», которая, согласно мнению М. Рутенберга, продолжает серию типичных американских историй про «Мамочку с Папочкой» [Rutenberg, 1969, p. 132], Эдвард Олби на примере одной семьи представляет картину разобщённости современного американского общества, в которой воплощение идеала братской любви становится не просто невозможным, но даже и доводится до абсурда. В уютном загородном доме, куда помещает Э. Олби под старость лет своих «новых Мамочку с Папочкой», представителей интеллигенции, супружескую пару, Агнес и Тобиаса, разыгрывается трагедия человеческих отношений. «Американская мечта осуществилась: у “Мамочки с Папочкой” достаточно денег, чтоб изолировать себя от людей и избежать какого-либо участия в жизни общества» [Там же], – представляет их жизненную позицию М. Рутенберг. «Шаткое равновесие» мнимого благополучия главных героев нарушается приходом в их дом лучших друзей семьи, Гарри и Эдны. Ощущая невыносимое чувство страха и одиночества, Гарри и Эдна устремляются к Агнес и Тобиасу, рассчитывая на их братскую любовь, «comfort (англ. утешение) and warmth» (теплота) [Albee, 2008, p. 74]. Неслучайно Олби для иллюстрации общего

семейного неблагополучия приводит хрестоматийную цитату из романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга» («All happy families are alike») [Там же, р. 64]. Показывая несоответствие заявленной фразы с реальным положением дел в двух семьях, драматург иронизирует по поводу сложившейся ситуации.

Никто из героев пьесы не обнаруживает полного соответствия евангельскому образу Доброго Самаритянина. Квинтэссенцией абсурда становится то, что Добрый Самаритянин, в лице Гарри и Эдны, изображается чужаком и потенциальным врагом. Лучшие друзья («best friends») [Там же, р. 77], Гарри и Эдна, будучи даже крёстными родителями дочери главных героев, Джулии (англ. «Godparents») [Там же, р. 76–77], объявляются сначала гостями («guests») [Там же, р. 76], а затем уже и вторженцами/захватчиками («intruders») [Там же, р. 108], которые своим приходом приносят в дом своих друзей «болезнь» («disease») [Там же], «смертельную болезнь» («mortal illness») [Там же, р. 109], «ужас» («terror») [Там же] и «чуму» («plague») [Там же].

Ощущение нестабильности моральных установок, невозможность воплотить нравственный идеал в реальной жизни выразилось в своеобразной игре библейскими аллюзиями и цитатами. Более того, за такой игрой чаще всего кроется ирония и недоверие к христианскому пониманию любви и дружбы. Так, Агнес иронизирует по поводу факта милосердия к ближнему: Agnes. Would you give friend Harry *the shirt off your back* (здесь и далее курсив наш. – Р.З.), as they say? (Агнес. Отдал бы ты Гарри свою рубашку, или как там говорится?) / Tobias. I *suppose* I would. He is my best friend (Тобиас. *Наверно*. Он мой лучший друг) (здесь и далее перевод наш. – Р.З.) [Там же, р. 30]. Искажается и переиначивается на современный лад строка из Евангелия св. Матфея (5:40). По-английски, согласно Новой исправленной стандартной версии Библии, она звучит следующим образом: «And if anyone wants to sue you and take your coat, *give your cloak as well*» [The New Oxford Annotated Bible. New Revised Standard Version with the Apocrypha: An Ecumenical Study Bible, 2010, p. 1754]. Ощущение безнадёжности и потеря нравственных ориентиров в современном мире с точностью передаются в диалоге Клер (сестры Агнес) и Эдны, в котором героини обращаются к Евангелию от Матфея (14: 22-31): Claire. Do you think *we can walk on the water*, Edna? Or do you think *we sink*? Edna (dry). We sink [Albee, 2008, p. 75]. (Клер. А как ты думаешь, Эдна, мы сможем *ходить по воде*? Или *утонем*? Эдна. *сухо*) Утонем).

Искажению подвергается также строка первого послания к Коринфянам (1 Кор. 1:13). Её синтаксическая конструкция подобна той, которую мы встречаем в художественном тексте, однако, уже с другим идейным содержанием. Автор не случайно выделяет её в кавычки: «*If we do not love someone... never have loved them...*» [Там же, р. 40] (Если мы никого не любим... то никогда и не любили), – констатируют своё скорбное положение Агнес и Тобиас. В английском языке библейский текст звучит так: «*If I speak in the tongues of mortals and of angels, but do not have love ...*» (1 Кор. 13: 1). Переводчики В. Вульф и А. Дорошевич по-

лагают, что данная цитата принадлежит к разряду цитат с атрибуцией (термин Н. А. Фатеевой), т.е. приписана поэту и драматургу Т. С. Элиоту [Олби, 1966]. Будучи христианским поэтом-модернистом, апеллировавшим «в отличие от континентальных авангардистов, к мировой культуре... духовному явлению европеизма» [Толмачёв, [http](http://), с. 28], Элиот в своей поэзии часто обвиняет современную протестантскую церковь Америки в её формализме и прагматизме. Именно за приверженность христианским традициям и ценностям, как утверждает В. М. Толмачёв, «пусть и не всегда прямо, Элиот критиковался и критикуется в США (во время новейших культурных войн)» [Там же, с. 8]. Переводчики сочли нужным приписать цитату Элиоту с тем, чтобы показать ироническое отношение героев пьесы к христианским ценностям. Данное переводческое решение отвечает заявленному посылу драмы, однако не отражает, по нашему мнению, в полной мере глубины и масштаба игры священными текстами Эдварда Олби.

По нашему мнению, изречение «*If we do not love (someone... never have loved them...)*» [Albee, 2008, p. 40] является компиляцией вышеизложенного библейского фрагмента и второй части цитаты из знаменитого цикла стихотворений Альфреда Теннисона «*In Memoriam A. H. H.*» – «*Tis better to have loved and lost / Than never to have loved at all*» [Tennyson, 1884, p. 67] (Лучше любить и потерять, чем не любить вовсе). В эпоху модернизма творчество А. Теннисона подверглось серьёзной критике. «Помпезным и банальным» [Encyclopedia Britannica, 2019] называли тогда его стихотворное наследие. Обращение Олби к творчеству известного викторианского поэта вызвано стремлением подвергнуть сомнению прописные истины и показать своё ироничное отношение к воспетым идеалам, противоречащим реалиям современной эпохи.

По словам Л. Р. Татарниковой, главными приёмами современной постмодернистской литературы, которая заждется на «диалоге текстов», являются «ирония, пародия и инверсия» [Татарникова, 2006, с. 84]. Их использование обусловлено «необходимостью авторского самовыражения и поиска новых художественных форм, посредством которых доносятся до современного читателя великие идеи, которые всегда были неотъемлемой частью литературы» [Там же]. Таким образом, на примере искажённой библейской притчи о Добром Самаритянине, через отрицание и высмеивание христианского идеала братской любви, Эдвард Олби приходит к утверждению великих ценностей, заключающихся в милосердии и любви к ближнему, прибегая тем самым к «апофатическому методу», согласно терминологии А. В. Татаринова [Татаринов, 2004, с. 53].

Обращаясь к христианским сюжетам, Эдвард Олби стремится придать драме философский смысл. Для этой цели он прибегает к еще одному религиозному сюжету – назидательному рассказу о Товии из Книги Товита, контаминируя его с рассмотренной выше притчей о Добром Самаритянине. В протестантизме Книга Товита входит в число апокрифических книг Ветхого Завета и относится к дидактической литературе, тогда как в католичестве считается второканонической. Неслучайно главный герой драмы получает имя Тобиас (Товий). Это явная

«привязка» художественного образа к ветхозаветному контексту. Товий (англ. Tobias), сын Товита, воплощает нравственный идеал верующего человека, доброго и милосердного, хранящего семейные ценности, помогающего ближним и почитающего заветы предков. Один из таких заветов, который Товий получает от своего отца, звучит следующим образом: «Сын мой, люби братьев твоих, и не превозносись сердцем пред братьями твоими... Что ненавистно тебе самому, того не делай никому. Вина до опьянения не пей, и пьянство да не ходит с тобою в пути твоём. Давай алчущим от хлеба твоего и нагим от одежд твоих; от всего, в чем у тебя избыток, твори милостыни ... Помни же, сын мой, заповеди мои, и да не изгадятся они из сердца твоего» (Тов. 4: 13-19). Данное послание противоречит миру семейных и дружеских отношений в пьесе. Драматург показывает несоответствие христианского идеала реальной действительности через такие пороки своих героев, как безответственность, равнодушие, безучастность к жизни ближнего, нежелание ему помочь и чрезмерное употребление спиртных напитков.

В библеистике принято считать, что в Книге Товита представлен «идеал праведной жизни, который сочетается с пророческим предвидением и верой в обращение других народов» [Мень, 2000, с. 492]. («Сыны Израилевы! Прославляйте Его пред язычниками, ибо Он рассеял вас между ними...» (Тов. 13:3); Многие народы издалека придут к Имени Господа Бога с дарами в руках, с дарами Царю Небесному» (Тов. 13:11)).

Такая интерпретация Книги Товита так же, как и католическая интерпретация, согласно которой Тобиас – «прообраз Христа, возвестившего благую весть язычникам» [Bardski, [http](http://), с. 11], соотносится с идеей американской исключительности и вселенской миссией американского народа, которую когда-то озвучил Г. Мелвилл в своём романе «Белый Бушлат» (1850): «Мы, американцы – особый, избранный народ – Израиль нашего времени. Бог предназначил нашему племени великие свершения, а человечество ждет их от нас» (перевод с англ. С.Силаковой) [Melville, 1850, p. 157]. Эдвард Олби продолжает сложившуюся в США литературную традицию, заключающую в себе морализаторское начало и оптимистическую веру в социальные преобразования. Через интертекстуальную связь пьесы с Книгой Товита проявляется моралистическая интенция, связанная с осуждением гедонистического образа жизни и проповедованием идеи нравственности. П. Хёрли усматривает в творчестве Э. Олби его приверженность к типично американскому видению роли литературы, заключающейся в развитии мессианской мысли [Hurley, [http](http://), p. 16]. «Эдвард Олби стремится наставлять, и его поучения носят проповеднический характер» [Там же], – пишет учёный.

Таким образом, в пьесе «Шаткое равновесие», представлен мир с перевёрнутыми христианскими заповедями и ценностями. Э. Олби «играет» священными текстами: использует иронию и пародии на библейские и хрестоматийные цитаты, компилирует тексты, «переплетает» новозаветный сюжет о Добром Самаритянине с ветхозаветным сказанием о Товии. Демонстрируя неспособность современного общества

следовать христианскому идеалу, драматург утверждает невозможность существования человека без милосердия и любви к ближнему, прибегая к «апофатическому методу» [Татаринов, 2004, с. 53]. Такая игра с метаповествованием, порой шокирующая, ирония по отношению к искаженному восприятию христианства и попытке современников следовать его букве, а не духу, обусловлены поиском новых художественных форм, которые бы позволили вызвать интерес читателя эпохи постмодерна к вечным идеям и реанимировать их.

Литература и источники

Водолазкин Е. Г. (2013) О средневековой письменности и современной литературе // Текст и традиция. Санкт-Петербург. № 1.

Злобин Г. П. (1985) По ту сторону мечты. Страницы американской литературы XX века. М.: Худ. литература. 336 с.

Мень А. В. (2000) Исагогика: Курс по изучению Священного Писания. М.: Общедоступный православный университет. 336 с.

Мень А. В. (1992) Трудный путь к диалогу. М. Радуга. 464 с.

Олби Э. Шаткое равновесие. URL: http://filippov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm?fbclid=IwAR3ruz60AF2ldxkqspz8z5J6MFZQOB9liwuTFRhcHfNVre1pPqGwqThMltI (дата обращения 08.07.2019).

Татаринов А. В. (2004) Жанровая природа и нравственная философия художественных текстов о евангельских событиях. Краснодар: Изд-во КубГУ. 254 с.

Татаринова Л. Н. Художественный текст в парадигме католической и протестантской культуры (Т. С. Элиот, У. Фолкнер, Ф. Кафка, А. Камю, Д. Г. Лоуренс, Дж. Джойс, Г. Грин и другие). URL: <http://www.vossta.ru/hudojestvennij-tekst-v-paradigme-katolicheskoy-i-protestantskoj.html> (дата обращения 26.06.2019).

Татарникова Л. Р. (2006) Ценностно-смысловая трансформация христианских мотивов в произведениях Ивлиева, Во, Джона Фаулза и Курта Воннегута: дис. ... канд. филол. наук. Чита. 19 с.

Толмачёв В. М. Т. С. Элиот. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/t-s-eliot> (дата обращения 3.07.2019)

Albee E. A. (2008) *Delicate Balance* // *The collected Plays of Edward Albee*. New York; London: Overlook Duckworth. Vol. 2. 555 p.

Bardski K. Księga Tobiasza w interpretacji chrześcijańskiej // *Synagoga caeremoniis legalibus instituta per Moysen (Beda, In Tob.; PL 91,924D)*. URL: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Collectanea_Theologica/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4-s47-58/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4-s47-58.pdf (дата обращения 12.07.2019)

Barth R. (1972) *Religion and Literature: the Critical Context* // *Religious Perspectives in Faulkner's Fiction. Yoknapatawpha and Beyond*. Notre Dame – London: Univ. of Notre Dame Press. 233 p.

Brustein R. (1975) *Albee Decorates an Old House: A Delicate Balance* // *Edward Albee. A collection of critical essays* / ed. C. W. E. Bigsby. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall, Inc. 179 p.

Coulson J. (1984) *Religion and Imagination* // *Images of Belief in Literature*. Durham: Macmillan. 191 p.

Gussow M. (1999) *Edward Albee: A Singular Journey: A Biography*. New York: Simon&Schuster. 466 p.

Hurley P. J. *France and America: Versions of the Absurd*. URL: https://www.jstor.org/stable/373322?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 29.06.2019)

Melville H. (1850) *White Jacket, or the World in a Man-of-War*. New York: Harper & Brothers. 465 p.

Roudane M. C. (1987) *Betrays: Tiny Alice and a Delicate Balance* // *Understanding Edward Albee*. Columbia: University of South Carolina Press. 221 p.

Rutenberg M. E. (1969) *Edward Albee: Playwright in Protest*. New York: Avon Books. 260 p.

Tennyson A. L. (1884) *The works of Alfred Lord Tennyson*. London: Macmillan and Co. Vol. 198 p.

Tennyson A. L. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Alfred-Lord-Tennyson> (дата обращения: 6.07.2019)

The New Oxford Annotated Bible. New Revised Standard Version with the Apocrypha: An Ecumenical Study Bible / ed. Michael D. Coogan. New York: Oxford University Press, 2010.

References

Albee E. *Delicate balance*. URL: http://filippov-mi.narod.ru/books/delicate_balance.htm?fbclid=IwAR3ruz60AF2ldxkqspz8z5J6MFZQOB9liwuTFRhcHfNVre1pPqGwqThMltI (date accessed 08.07.2019).

Albee E. (2008) *A Delicate Balance. The collected Plays of Edward Albee*. New York; London. Vol. 2. 555 p.

Bardski K. *Księga Tobiasza w interpretacji chrześcijańskiej* // *Synagoga caeremoniis legalibus instituta per Moysen* (Beda, In Tob.; PL 91,924D). URL: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Collectanea_Theologica/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4-s47-58/Collectanea_Theologica-r2009-t79-n4-s47-58.pdf (accessed 12.07.2019).

Barth R. (1972) *Religion and Literature: the Critical Context. Religious Perspectives in Faulkner's Fiction. Yoknapatawpha and Beyond*. Notre Dame – London, Univ. of Notre Dame Press. 233 p.

Brustein R. (1975) *Albee Decorates an Old House: A Delicate Balance* // *Edward Albee. A collection of critical essays*. Ed. E. Bigsby. New York. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentic Hall. Inc., 1975. 179 p.

Coulson J. (1984) *Religion and Imagination. Images of Belief in Literature*. Durham: Macmillan. 191 p.

Gussow M. (1999) *Edward Albee: A Singular Journey: A Biography*. New York: Simon&Schuster, 1999. 466 p.

Hurley P. J. *France and America: Versions of the Absurd*. URL: https://www.jstor.org/stable/373322?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 29.06.2019)

Melville H. (1850) *White Jacket, or the World in a Man-of-War*. New York: Harper & Brothers. 465 p.

Men A. V. (2000) *Isagogics: A course in the study of the Holy Scriptures*. Moscow. 663 p. (In Russian).

Men A. V. (1992) *A difficult path to dialogue*. Moscow. 464 p. (In Russian).

Roudane M. C. (1987) *Betrays: Tiny Alice and a Delicate Balance. Understanding Edward Albee*. Columbia: University of South Carolina Press. 221 p.

Rutenberg M. E. (1969) *Edward Albee: Playwright in Protest*. New York: Avon Books. 260 p.

Tatarinov A. V. (2004) *Genre nature and moral philosophy of literary texts about Evangelical events*. Krasnodar: Izd-vo KubGU. 254 p. (In Russian).

Tatarinova L. N. *Artistic text in the paradigm of Catholic and Protestant culture (T. S. Eliot, U. Faulkner, F. Kafka, A. Camus, D. G. Lawrence, J. Joyce, G. Green and others)*. URL: <http://www.vossta.ru/hudojestvennij-tekst-v-paradigm-katolicheskoy-i-protestantskoj.html> (accessed 26.06.2019). (In Russian).

Tatarnikova L. R. (2006) *Value-semantic transformation of Christian motives in the works of Evelyn Waugh, John Fowles and Kurt Vonnegut*: dis. ... PhD in Philology. Chita. 19 p. (In Russian).

Tennyson A. L. (1884) *The works of Alfred Lord Tennyson*. London: Macmillan and Co. Vol. 198 p.

Tennyson A. L. *Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/biography/Alfred-Lord-Tennyson> <https://www.britannica.com/biography/Alfred-Lord-Tennyson> (accessed 06.07.2019).

The New Oxford Annotated Bible. New Revised Standard Version with the Apocrypha: An Ecumenical Study Bible / edited by Michael D. Coogan. New York: Oxford University Press.

Tolmachev V. M. (2011) *T. S. Eliot*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/t-s-eliot> (accessed 03.07.2019). (In Russian).

Vodolazkin E. G. (2013) On medieval writing and modern literature. *Text and tradition*. Saint Petersburg. No. 1. (In Russian).

Zlobin G. P. (1985) *On the other side of the dream. Pages of twentieth-century American literature*. Moscow, Khud. Literatura. (In Russian).

Regina V. Zinovieva (Kaliningrad, Russian Federation)

Biblical Text in Edward Albee's Play "Delicate Balance"

The author explores the Bible motifs in Edward Albee's play «A Delicate Balance». Over the past few decades the theme of religiosity in literature has acquired special significance in connection with the rethinking of Christian values in the postmodernism. Edward Albee's play «A Delicate Balance» defined in many ways the Christian theme in the work of American playwright which contradicted the established opinion of domestic literary critics about the incompatibility of Albee's plays with the ideas of Christianity.

The author conducts a conceptual analysis of the New Testament and Old Testament plots (the parable of the Good Samaritan and the story of Tobias from the Book of Tobit) and their interpretation in the drama. The author focuses on the intertextuality of the postmodern text: its cento form (allusions, parodies, paraphrases), the features of presence of the biblical text in the text of the play. Consequently, the article shows the distorted representation of the idea of brotherly love on the example of the interpretation of the parable about the Good Samaritan and the story about Toby. It is underlined that Edward Albee's work is a continuation of the tradition established in American literature, including didactic and prophetic (messianic) principles.

Key words: *Edward Albee; «Delicate Balance»; biblical text; postmodern text; the parable of the Good Samaritan; the book of Tobit.*

Regina V. Zinovieva – post-graduate student, I. Kant Baltic Federal University, Phone: +7-952-051-12-39, e-mail: regina46@list.ru